



Хроника
событий
глазами
бойца
«Вагнер»

АНДРЕЙ
ГОНЧАРОВ

2014

КОГДА
БЕЗДНА
СМОТРИТ
НА ТЕБЯ

Время Z

Андрей Гончаров

2014. Когда бездна смотрит на тебя

«Издательство АСТ»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Гончаров А. А.

2014. Когда бездна смотрит на тебя / А. А. Гончаров —
«Издательство АСТ», 2026 — (Время Z)

ISBN 978-5-17-189310-1

На Украине грянула «революция достоинства». Политолог Тихомиров едет воевать за Донбасс, потому что хочет построить независимое государство социальной справедливости и традиционных ценностей – Новороссию. Бывший десантник и журналист Поручик едет воевать за Донбасс, потому что считает украинство зловредной инфекцией, которую можно только уничтожить. Журналистка Лена едет в мятежный Донецк, потому что хочет быть честной журналисткой и считает, что достоверно писать можно только о том, что видел своими глазами. В хаосе войны и предательства, самопожертвования и корысти, когда каждая из воюющих сторон ищет не столько победы, сколько выгоды, никто из них не найдет того, что искал, но получит самое ценное в жизни, то, что обходится дороже всего – избавление от иллюзий.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189310-1

© Гончаров А. А., 2026
© Издательство АСТ, 2026

Содержание

Глава 1. Градус абсурда	6
Глава 2. Гроза над Синевиром	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Александрович Гончаров

2014

Когда бездна смотрит на тебя

Меня часто спрашивают: «За что вы воевали?»

За две сливы, за спасибо и за Сашеньку.

© Андрей Гончаров, 2026

© ООО «Издательство АСТ», 2026

Глава 1. Градус абсурда

Одесса. Конец августа, 2014 г

Когда стреляют из гранатомета, сначала виден только небольшой огонек летящего выстрела. А когда он попадает в цель, то разрыв виден как неровное облако густого жирного черного дыма с мгновенным всполохом огня. Выстрел, попавший в окно военкомата, поставил большой жирный крест на недолгой и бестолковой карьере Поручика в качестве разведчика и диверсанта.

Гранатометчик отбросил дымящуюся шайтан-трубу одноразового РПГ, побежал, пригнувшись, вдоль военкоматского забора с ячейками поверху и прыгнул на заднее сиденье поджидавшего его черного блестящего внедорожника. Еще не захлопнулась дверца за диверсантом, как водитель рванул с места, а сидящий на штурманском кресле стрелок убрал из окна ствол автомата.

В тот момент, когда открылась дверца джипа, чтобы принять гранатометчика, покинула свои посты тройка стрелков, обеспечивавших безопасность периметра. Одетый в черную униформу, чтобы в него сложнее было целиться в тени городской застройки, в черной маске и перчатках, чтобы не отсвечивала белая кожа, первый номер развернулся и принял коленную стойку, взяв под контроль своей «семьдесятчетверки» всю длину ночной одесской улицы, местами кое-где освещенной фонарями. Двое других автоматчиков добежали до машины и присели у колес, вдвоем контролируя все 360 градусов периметра. Через три секунды они все влились в машину, и второй черный «мастодонт» с глухим воем умчался с места происшествия.

Последним покинул свой пост на крыше здания через дорогу от военкомата снайпер. Закинув за спину СВДС, он скинул бухту черной гладкой веревки с крыши вниз и с громким щелчком пристегнулся к ней карабином страховочной системы. Быстро и бесшумно встав на парапете на одно колено, он оттолкнулся и стремительно съехал вниз. Сдернув веревку за собой, снайпер побежал к ожидающей его в тени деревьев машине, на бегу сбуктовывая веревку. Хороший снайпер не оставляет следов на месте своего пребывания.

Так могло бы быть, если бы это был добротный голливудский боевик или если бы «Одесских партизан» не предавали с самого начала и без конца. Предательство оказалось фактом еще три недели назад, когда «Одесские партизаны» получили приказ на проведение акции. Но Поручик, казалось бы, закаленный как откровенным паскудством, так и банальной человеческой глупостью, не мог признать в этом даже самому себе. Тем более не могли признать этого факта «Одесские партизаны», пребывавшие в эйфории от оказанного доверия. Ведь сама Русь-матушка, пусть и устами потертого капитан-лейтенанта, доверила им разрушить украинство, как явление. Правда, пока что для этого требовалось выстрелить из гранатомета в окно военкомата. Сделать это нужно было ночью, когда там никого не будет, чтобы избежать жертв.

– Ты недооцениваешь важность информационного значения акции! Все увидят, что Одесса не пала на колени, Одесса сопротивляется! – с пеной у рта доказывал Борода Поручику.

Поручик – прямой виновник торжества, посланец сепаратистского Донецка и связной «Одесских партизан» с разведкой ВМФ РФ, относился к полученному заданию, мягко говоря, с прохладцей и был настроен его саботировать. Однако его позиция не нашла понимания не только у руководства «Одесских партизан», но даже у непосредственных исполнителей теракта – Востока и Доброго, которым уже так хотелось что-нибудь взорвать или кого-нибудь застрелить, что они были готовы хоть на президента покушение организовывать.

Дебаты кончились тем, что Добрый подвез Поручика к месту теракта на раздолбанном белом жигуленке и высадил в квартале от военкомата, чтобы не засветить машину. К военкомату Поручик пришел пешком, вынул из сумки РПГ-18, разложил, выстрелил из «Мухи» в без-

жизненное черное окно, бросил тубус и пошел на троллейбусную остановку. Учитывая общую бессмысленность замысла, нужно признать такой способ проведения теракта единственно правильным. Чем меньше народу задействовано, тем меньше попадетсЯ.

С одесскими подпольщиками Поручик решил больше не встречаться. В обозримом будущем во всяком случае, а лучше – вообще никогда. Выстрел из РПГ – это первый теракт подпольной группы одесского сопротивления и, к сожалению, последний. Несмотря на все принятые меры безопасности и конспирации, ребята просто обречены.

Все еще фантазируя на тему черного внедорожника, Поручик сел в троллейбус, идущий в сторону железнодорожного вокзала. В этом был весь стиль войны на Донбассе. Воевать в тапках вместо берцев, вместо десантного ранца иметь красное пластмассовое ведро, вместо шеврона – георгиевскую ленточку, в качестве оружия – проржавевший СКС или автомат без шомпола, с места теракта убежать на троллейбусе...

«Если бы наши противники не были такими же идиотами, мы проиграли бы эту войну», – отягощенный такими мыслями, Поручик резво бежал по пустому вокзалу, чтобы успеть на последнюю электричку, следующую в Белгород-Днестровский через Каролино-Бугас.

Так бежали на бессарабские берега боевики-анархисты после восстания 1905 года. Катакомбами выйти к морю, а там, в известном месте ждет шаланда под полосатым парусом, груженная контрабандным товаром. И в Турцию, Румынию, Грецию, куда угодно, где может найти себя фатовый человек. Война, начатая черенками от лопат, продолжалась в том же духе.

Пока одесские менты удивленно тыкали пальцами в выгоревший пустой кабинет военкомата и в шутку предлагали версию, что стрелял кто-то, желавший откосить от армии, Поручик трясся на задней площадке последнего вагона, куда сел по студенческой привычке. В голове вагона сидела одинокая блондинка. Симпатичная девушка лет 18–19, с типично украинским слегка приплюснутым носиком.

Вернувшись в Одессу после отступления стрелковцев из Славянска, Поручик поселился в Каролино-Бугасе. Светить лицом в Одессе, где его знала каждая собака от моста на Молдаванке до Греческой площади, не считая евреев и журналистов, показалось ему слишком амбициозным. Учитывая его всем известное русофильство, изрядную таки публичность фигуры и внезапное исчезновение в апреле 2014 года, его появление могло вызвать странные вопросы у тех поцев, которые имеют неприятное обыкновение обсуждать чужую жизнь, то есть у всей Одессы. И что хуже – у националистов, ментов и эсбэушников. Для Поручика, который любил, когда о нем говорят, но не настолько, это было слишком.

С восстанием 1905 года теракт роднило еще и то, что гранатомет, как револьверные патроны для Бунда, был попросту куплен. «Муху» купил Восток по случаю, когда прогуливался по набережной, размышляя, как ему попасть на флагман украинского флота. Единственный, после того как Крым отчалил в сторону России, полноценный корабль украинского флота U-130 «Гетьман Сагайдачный» беспокоил российский черноморский флот своим существованием, поскольку никакой реальной угрозы нести не мог. В связи с внезапным исчезновением флота, Украина вложила в модернизацию U-130 средства, которые планировалось отпустить на весь флот. Теперь российская разведка ВМФ, делая испуганные глаза, требовала сделать фотографии основных узлов вооружения, ходовой и связи U-130.

У раскладушки с флагами «Правого сектора» возле Дюка стоял бывший сослуживец Востока, вместе с которым они состояли в батальоне территориальной обороны.

После одесской Хатыни далеко не все одесские русские активисты уехали на Донбасс. Май для Одессы оказался переломным. Между русскими и украинцами пролегла кровь. Любому здравомыслящему человеку стало понятно, что теперь есть только один путь – война. Уезжали молодые и старые, здоровые и не очень, одинокие и семейные. Но не те, кому нечего было терять, а те, кто понимал, что не вернется обратно и осознанно шел на это. Расстаться

с Одессой... Это было, пожалуй, сложнее, чем решиться пойти на войну. Большинство же затаилось и затаило злобу.

Среди затаившихся русофилов оказались несколько бывших курсантов Центра «Китеж». По собственной инициативе они вступили в формирующийся батальон территориальной обороны. Такие формирования создавались тогда во всех городах Украины и некоторых особо патриотических вузах, вроде Киево-Могилянской академии. Деньгами на формирование их заряжали местные ячейки украинских националистических партий, штабами служили партийный штабы. Это был второй эшелон добробатов, который должен был прийти на смену более раскрученным «Донбассу», «Айдару», которые несли огромные потери в донбасской мясорубке. А пока тербаты ожидали отправки на фронт, их приставили к патрульно-постовой службе, чтобы чем-то занять, и они не разбежались. Теперь вместо традиционного патруля из троих пэпээсников в серой форме, по городу зачастили патрули, возглавляемые одним срочником-милиционером, которого сопровождали двое тербатовцев. Отличить их можно было без всяких знаков различия. Милиционер был маленький, худенький, из воротника слишком большой рубашки торчала тоненькая шея. Тербатовцы же напротив – были вполне упитанны. Вооружен патруль был резиновой дубинкой, которую носил на ремне пэпээсник. Зато тербатовцы со всем пролетарским вдохновением наряжались в камуфляжи и тактическое снаряжение, которое им тоннами подвозили волонтеры. Помимо патрульной службы, тербатовцы несли службу на блокпостах.

С появлением в Новороссии первых блокпостов это поветрие массово охватило Украину. В каждом городе, от мала до велика, на въездах и выездах появились блоки, иногда по несколько штук. Иногда белыми мешками с песком были укреплены посты ДПС, иногда груды мешков с накинута сверху маскировочной сеткой вырастали просто посреди дороги. На ментовских постах службу несли совместно автоинспекторы и «гражданские активисты». Инспекторы работали в обычном режиме, активисты реализовывали застарелые комплексы, демонстрируя абсолютную беспомощность в экстремальных ситуациях и шизоидно-параноидальный синдром в принципе.

Блоки с дэпээсниками усиливали бронетехникой. Как правило, из-за мешков выглядывал БТР. На ключевые блоки пригнали даже «Шилки». Правда, агентура из числа активистов сообщила, что ресурса у «Шилок» хватило только на то, чтобы своим ходом добраться до блокпостов. Теперь их даже передвигать боятся во избежание поломок. Однако БК у «Шилок» заряжен по полной. Если бы воины Новороссии действительно начали штурмовать украинские города, собранная информация могла бы иметь значение. Однако по факту все агентурные сведения остались всего лишь свидетельствами патологического расстройства психики укро-активистов.

Активист останавливал водителя. Тот недоуменно смотрел на инспектора ДПС. Инспектор прикладывал руку к фуражке: «Претензий нет». Активист загораживал дорогу. Водитель переспрашивал: «Я могу ехать?»

– Можете ехать, – подтверждал инспектор и стыдливо отворачивался.

И тут водитель попадал во власть активистов. У него грубо требовали документы, объяснений, куда следуете и зачем, открыть багажник. Попытки объяснить, что «инспектор же сказал, что претензий нет», приводили к увеличению градуса агрессии. Попытки выяснить личность допрашивающего и вообще его право останавливать, обыскивать, допрашивать разбивались о железное «я – активист». Милиция стояла рядом и старательно отворачивалась.

Служба на блокпостах стала отличной возможностью компенсироваться для тех гражданских активистов, которые оказались слишком трусливы, чтобы пойти на фронт. Зато на блокпостах они демонстрировали свою власть в условиях полной безнаказанности.

Когда пришел приказ выдвигаться в зону АТО, батальон разбежался. Теперь Никита добывал данные по флагману и единственному боеспособному кораблю украинских ВМС для

русской разведки, а Артем торговал флагами и вышиванками, пополняя кассу «Правого сектора».

Увидевшись, они притворно обрадовались, поручкались и даже потискались, как и положено побратимам, Восток заценил торговлю стреляными тубусами РПГ и, естественно, в шутку спросил, нет ли настоящих? В шутку же услышал, что есть конечно, сейчас у каждого настоящего бандеровца есть РПГ. Также в шутку спросил, сколько есть и почему? Сколько надо, столько и есть. Своим по сто. Заказал три, тем же вечером забрал. Война войной, а торговля должна быть честной, иначе нельзя будет доверять людям иного вероисповедания.

Провести параллель между покупкой Востока и терактом бандеровец Артем, конечно же, сможет, но только на уровне подозрений. Когда у каждого дома есть РПГ, когда этот каждый относится к армии как к предателям общего дела и слугам режима, кандидатов на выстрел оказывается слишком много. Однако несмотря на все богатство выбора, украинские спецслужбы неминуемо и, что еще печальнее, быстро выйдут на след «Одесских партизан». Когда выяснится, что никто из нациков не стрелял, то круг подозреваемых сузится донельзя. Одесса – не маленький город, а большая деревня, где все друг друга знают и все спят под одним одеялом. В частности, поэтому Поручик и был категорически против бессмысленного выстрела.

Накануне теракта, если можно назвать этим благородным словом бездарную пальбу по пустому военкомату, душной страстной одесской августовской ночью, когда уважающие себя люди гуляют по набережной, держа руку на талии украинок с черными бровями, русских с пшеничными локонами, молдаванок с родинкой на левой груди, евреек с чувственными губами или других девушек неясного этнического происхождения, Поручик имел встречу с предводителем «Одесских партизан» Бородой. В пустой комнате заброшенного научно-исследовательского института раскачивалась лампа под голым абажуром. Так большевики планировали захват Зимнего.

Поручик познакомился с Бородой в начале марта именно здесь, в голой обшарпанной комнате с болтающимся абажуром. Поручик тогда просто стоял у стены. На сходке русских партий Украины выступал Тихомиров.

– У нас наблюдается проблема с консолидирующими символами, – говорил он. – Фактически есть только один свой опознавательный знак, всеми принятый и узнаваемый, однозначно идентифицируемый – Георгиевская ленточка. Нужно сделать ее нашим символом де юре – объявлять с трибуны несколько дней подряд, что все, кто в рядах Антимайдана, носят на рукаве георгиевские ленточки.

Власти официально распустили «Беркут», нам нужно подхватить их знамя – скупить в военторгах, где еще остались, шевроны «Беркута» и нашивать на одежду и вещи. Опять-таки, объявить об этом на митинге, пусть теперь наша антимайдановская самооборона называется «Беркут», раз уж государство от него отреклось.

У нас нет единого, всеми признанного флага, это проблема. Нельзя использовать российский триколор, чтобы не сталкивать лбами Россию с Украиной, нужно поднять черно-желто-белый, имперский триколор, он ассоциируется с русским национализмом, вот и противопоставим русский национализм украинскому. Не все примут имперский флаг, Бог с ним, поднимем в качестве флага большую Георгиевскую ленточку – пусть нашим флагом будет черно-оранжевый пятиполосный.

У нас нет «официальной» кричалки. Давайте использовать «Ганьба! Банду геть!». Она на слуху и задает правильное направление движению сопротивления – у власти стали бандиты, геть их!

До сих пор поддерживается мнение, что Майдан – это борьба интеллигенции против быдла. Нужно напомнить, что «Правый сектор», «Свобода» иже с ними не просто разрушили памятники Ленину, это как раз многие рядовые граждане поддерживают, а разорили могилы советских солдат по всей Западной Украине. Те, кто сегодня составляет ряды «патриотов»,

избивали стариков-ветеранов во Львове 9 мая. Об этом надо напомнить, а то многие подзабыли. Режим осквернителей могил не имеет права на существование!

Сегодня все было не так. Народу меньше, меньше слов.

– Рад был нашему знакомству, сеньор, надеюсь еще увидеть вас живым, хотя и изрядно в этом сомневаюсь, – Поручик сразу взял быка за рога.

– Это только начало... – начал Борода, он старше и авторитетнее.

Но Поручик перебил:

– Это конец. Сейчас по горячим следам безрезультатного теракта начнется следствие с привлечением всех возможных сил аппарата ищек, потому что вы – сепары. Лучше бы вы ювелирку ломанули, даже тогда были бы шансы сплетлять, а так вас найдут без вариантов. И посадят, а на зоне убьют, на этом закончится ваша война.

Еще во время переговоров с российской разведкой в Крыму, которая должна была предоставить оружие, взрывчатку, профинансировать мероприятие и обеспечить пути отхода, у Поручика закралось нехорошее подозрение. Подозрение в том, что разведка РФ имеет своей целью не свержение незаконно захваченной власти на Украине, а ликвидацию руками СБУ пророссийского подполья, столь нелепым было поставленное задание и столь рьяно настаивали на нем кураторы. Но мысль эта показалась тогда абсурдной. Организация и обеспечение теракта были столь запутанными и неоправданно усложненными, что Поручик списал это на идиотство и всегдашнюю бестолковость военных, их желание ни за что не нести ответственности. Теперь же, в ночной электричке, наедине со студенткой-одесситкой, которую нужно пригласить гулять на море и там, держась за руки, наблюдать, как лунная дорожка бежит по волнам, и ходить босиком по прибою, держа туфли в руке, и целоваться до утра, Поручик окончательно понял, что это конец партизанского движения и счет идет не на дни, а на часы. И как бы он не маскировался, и где бы не отлеживался, на него неминуемо выйдут, как и на других членов группы.

Студентка осталась невыгулянной и нецелованной, Поручик вышел в Каролино-Бугасе, с сожалением посмотрел вслед уходящей электричке, в которой уезжала блондинка, с недоумением смотревшая в окно, и пошел к себе на дачу. Здесь, в Каролино-Бугасе, на дачах и обрывистых берегах бесконечных бессарабских пляжей все начиналось. Впрочем, нет. Началось все значительно раньше и не здесь. Но здесь впервые все сложилось, все фигурки легли в свои трафареты так, что спустя три года в сложившемся порядке, через политические споры и разногласия, через поиск себя и своей роли в жизни государства Украина, добрались до гражданской войны на Донбассе, вспыхнувшей в начале мая 2014 года.

* * *

В мирных и, как позже стало понятно, благополучных нулевых в Каролино-Бугасе проходила школа журналистики «А5». Чистой воды стартап – молодежная, студенческая движуха, родившаяся, как проба пера и проба сил. «А5» было общим брендом сети студенческих газет, объединенных только общим брендом «А5». Газета под названием «А5» могла существовать в любом вузе страны, иногда в одном вузе могло быть несколько «А5». Единственным требованием было выходить в формате А5. Тематика, как и финансирование газеты, оставлялась на откуп редакции. Вы могли писать как угодно, о чем угодно, при этом чувствуя принадлежность к общему движению студенческих газет. Поэтому газеты «А5» возникали там, где собиралась группа инициативных студентов, которым не терпелось. Не побороться с мировым злом и не обязательно попробовать себя в журналистике. Просто не терпелось как-то проявить себя.

«А5» была зарегистрирована в Палате по контролю за печатью, и на сотрудников любой «А5» распространялись права и свободы журналистов, то есть чиновники, менты и депутаты обязаны были отвечать на их вопросы и запросы, и не могли игнорировать.

Газеты «А5» возникали и исчезали каждый божий день, но раз в год автор бренда, талантливый одесский еврей Сергей Лекотт, организовывал в Одессе школу журналистики «А5». Участие было платным. На эти деньги Сергей арендовал базу отдыха. Иногда с домиками, иногда с палатками. Приглашал медиатренеров – опытных журналистов, не пренебрегающих общением с молодежью. Занятия проходили в летних кинотеатрах, в коридорах, на скамейках. Это была прекрасная тусовка единомышленников. Медиатренеры не капризничали. Они проводили занятия днем, а иногда и ночью. Спали, где придется – кто в комнате, а кто в машине, кто под кустом, а кто и на пляже. В воздухе висела атмосфера лета, любви и свободы.

В число приглашенных медиатренеров попал и Поручик, распрошавшийся с силовыми структурами в тягостном недоумении, но не распрошавшийся с желанием изменить мир.

– Сколько ни выступаю перед аудиторией, все равно нервничаю, – рассказывал Ермаков. – Казалось бы, материалом владею, с аудиторией контакт быстро нахожу, но все равно что-то грызет, что-то беспокоит, особенно когда готовишься.

Организаторы и преподаватели «А5» сидели на тенистой веранде дачного домика. В стеклянных рюмках, которые принес презиравший плебейские пластиковые стаканчики Ермаков, плескался желтый вермут. Дело шло к полудню. Одесская жара не располагала к труду. На соседних дачах проходил фестиваль «Арт-мюзик», и студентки «А5» отпросились готовить репортаж и брать интервью. Их с удовольствием отпустили, а теперь ленились и пили в тени винограда, предаваясь легкой неге и тонкому эротизму.

Настя в невесомом сарафане сидела на коленях у Тихомирова. Он время от времени тянулся к столу то за рюмкой, то за оливкой, то за кусочком сыра и мимолетно целовал ее румяное гладкое плечико, проводил пальцем по спинке или прикасался носом к розовому ушку. Настя не ломалась, не хихикала глупо, не делала вид, словно это недопустимо. Она принимала тихомировские ласки так же, как дуновение легкого ветерка с моря, как жаркую полуденную истому, естественным порядком вещей.

– У меня такое бывает, когда готовлю новую тему. А когда в сто пятидесятый раз одну и ту же лекцию читаешь, то не то что беспокойства, вообще никаких чувств не испытываешь, – поделился Тихомиров. – Ты просто редко преподаешь, поэтому успеваешь отвыкнуть.

Он положил руку на Настино бедро весьма высоко и очень рискованно, но она просто закинула ногу на ногу, зажав тихомировскую ладонь между бедрами, и непринужденно накрыла эту картину подолом короткого сарафана в подсолнухах. Алексей Тихомиров, в распоряжении которого осталась только одна свободная рука, снял ее с Настинной талии и взял рюмку. Отпив глоток, он продолжил:

– Это как с парашютом прыгать. Первый раз очень страшно, потому что не знаешь, что тебя ждет. Второй раз вообще кошмар как страшно, потому что знаешь. А потом привыкаешь, и становится безразлично. Но если сделать перерыв, то снова страшно. Не так, конечно, как во второй раз, но все равно. Чувствуешь, что живешь.

– А вы прыгали с парашютом? Я тоже очень хочу, – с придыханием восхитилась Мария.

Мария была студенткой «А5». На вечере знакомств она так и представилась: «Мария», вела себя очень строго и сдержанно. На первой же лекции на нее неизгладимое впечатление произвел Тихомиров, который в пух и прах разгромил университетское журналистское образование, продемонстрировав приверженность основополагающим академическим дисциплинам, таким как философия, история и политология. Он назвал журналистику «ремеслом» и был категорически против возведения ее в ранг академической науки. Тихомиров вообще производил хорошее впечатление своей эрудицией, способностью слушать собеседника, умением аргументированно спорить и не показным, а настоящим интересом к образу мыслей оппонента. Кроме того, он был самым старшим из преподавателей, ему уже исполнилось тридцать семь лет.

Ради общества Тихомирова Мария отказалась идти на фестиваль «Арт-мьюзик» и теперь вынуждена была наблюдать, как медленно пьянеющий преподаватель политологии ласкает сидящую у него на коленях другую студентку.

Настя училась на первом курсе факультета психологии Одесского государственного университета. Там она узнала о существовании школы журналистики «А5», разыскала организатора школы Сергея Лекотта и попросилась работать администратором в обмен на бесплатные занятия в школе. Настя была девушкой милой и непосредственной, поэтому практически всегда добивалась своего.

– Конечно, прыгал, и довольно много. Я же целый командир воздушно-десантного взвода. – Тихомиров был слишком увлечен Настей, чтобы заметить неестественность Машинного интереса.

– А вы прыгали? – обратилась Мария к остальным.

В ее вопросе было столько экспрессии, словно прыжки с парашютом были необходимым условием свободы и самовыражения личности. На самом деле Маша пребывала в такой растерянности от Настиного егезения на коленях у Тихомирова, что понесла чушь про парашютные прыжки просто, чтобы не удариться в истерику.

– Нет, я нет, армия – это не мое, – пресс-секретарь министерства культуры Украины Артем Симагин не смешался.

Ему вполне хватало мужественности и без голубого берета. Он был несколько моложе Тихомирова, но крупнее и выглядел очень солидно с аккуратно подстриженной черной бородкой. Артем недавно выиграл грант USAID на молодежное информационное агентство и все-раз рассматривал студентов и преподавателей «А5», как будущих авторов.

– Я тоже нет, у меня кафедра мотострелковая, – организатор школы «А5» Сергей Лекотт тоже не считал тему парашютных десантов уместной, но и ставить Машу в неудобное положение не хотел.

Саша Топчиенко не ответил ничего, ему вообще было трудно находиться в человеческом обществе, а тем более говорить на такие исконно мужественные темы, как служба в армии, с девушкой, которая не может не нравиться. Саша стал журналистом, потому что больше ничего не умел. Быть журналистом он сначала тоже не умел, но он был тонким интеллигентным юношей, не способным отстаивать свои интересы. Неизвестно для чего окончив факультет иностранной филологии, он болтался по городу, пытаясь сориентироваться, кем же ему теперь работать, если не школьным учителем? Работать в школе он категорически не хотел – дети его тиранили.

В Областную телерадиокомпанию он попал случайно, там работал его университетский друг. В коридоре Сашу увидел главный редактор, пригласил к себе в кабинет и через две минуты беседы ни о чем, сказал: «Вы мужчина, носите галстук, и он вам идет. Будете у нас работать». Украинские государственные СМИ, сохранившие свою структуру, да и кадры, еще с Советского Союза, были намертво оккупированы тетками без определенного возраста, которые работать не умели и не хотели. Зарплаты здесь были нищенскими, но и работать не требовалось. Журналистская инициатива здесь не приветствовалась. Существовал план съемок, расписанный на неделю вперед. От редактора требовалось своевременно выписать путевку для водителя редакционной «Волги», взять оператора и посетить брифинг – круглый стол – заседание облгосадминистрации или мэрии, налоговой инспекции или Службы безопасности Украины, МВД или МЧС. Неудобные вопросы задавать было нельзя, освещать требовалось только позицию правительства.

В тягучем болоте Областной телерадиокомпании Саша Топчиенко пришелся как нельзя кстати. Он не стремился кому-то что-то доказать или исправить мир. Он был вежливым и исполнительным сотрудником. Тетки без возраста вскоре зашипели в коридорах, что следую-

щим главным редактором будет именно он, а вовсе не Раиса, усердно окучивавшая нынешнего главреда в надежде занять его кресло.

В школу «А5» Топчиенко попал тоже случайно. Лекотт держал руку на пульсе и каждое новое лицо в одесской журналистике проверял на предмет пригодности для школы «А5».

Атмосферу разрядил главный редактор журнала «Южнорусский вестник» Андрей Ермаков. Стайка студенток, вившаяся вокруг него с первого дня, упорхнула на «Арт-мюзик», так что он принял эстафету и превратил неудобную тему в пикап.

– Я прыгал не так много, как Алексей Андреевич, – сделал он реверанс в сторону Тихомирова. – Передо мной быстро стал выбор, какую из спецподготовок сделать профильной – парашютно-десантную, горную или подводную. Я предпочел горную, потому что парашютисты один раз переступают через страх, когда шагают за борт самолета, а альпинисты переступают через себя с каждым шагом.

Андрей переменял неуместную тему и дал Марии сигнал, что здесь есть еще кем восхищаться кроме Тихомирова.

– Мне сложнее всего дается первый контакт с аудиторией, – поделился Артем Симагин. – Вот когда найдешь первые заинтересованные глаза, тогда уже можно нормально работать, есть кому рассказывать.

– Это реальная проблема, даже в аудитории, которая пришла добровольно, трудно найти заинтересованного человека. Ну, если, конечно, речь не идет о национальной политике. Может, мы что-то не так делаем? – Лекотт действительно болел за свою школу. Несмотря на то, что она больше была тусовкой, чем школой, он пытался сделать все максимально качественно – искал и приглашал кого только мог из практикующих журналистов, пытался предоставить ноутбуки, проектор, доски с маркерами, чтобы преподавателям было удобно оперировать своим материалом. Другое дело, что медиатренеры приезжали скорее потусоваться или обкатать новый материал, нежели привозили готовые учебные курсы.

– Мы все так делаем, вернее не все, конечно, и не все так, – Ермаков умел на любую проблему взглянуть по-новому, что и было его коньком в журналистике. – Дело не в том, что современная украинская молодежь не хочет ничему учиться, а в том, что они не знают, что это такое. Ни у кого нет приоритета образованности, эрудит – это не круто. Они никогда, ни в школе, ни в вузах, не получали знаний, они не знают этого ощущения наполненности пониманием, не знают, что они потеряли. Поэтому принимают развлечения за обучение.

– Отечественное информационно-образовательное пространство педалирует только одну тему – национального противостояния. Никто не говорит о том, что если ты хочешь принимать участие в политической жизни страны, то должен хорошо знать человеческую психологию, потому что как ни крути, а все исторические события происходили не от того, что были обусловлены объективными факторами, а проистекали из глубоко личностных комплексов и мотивов, понимать экономические законы, потому что перед тем, как требовать денег на молодежный проект, а проще говоря на потусоваться, нужно понимать, откуда эти деньги возьмутся, ну и не грех знать историю хотя бы собственной страны, чтобы понимать, почему реформа «как в Европе» здесь не работает. Вот и получается, что пока владыки политического олимпа развлекаются драками и переделом собственности, в стране зреет нарыв из гремучего коктейля нищеты, глупости и ярости. Пока что это выражается в повышении популярности идей ультраправых партий, – Тихомиров весьма критически относился к русско-украинской националистической возне и несмотря на его официально прорусскую позицию, в частных разговорах было так сразу не понять, что у него есть своя сторона конфликта.

В среде компетентных журналистов самой распространенной позицией бывает критическое восприятие или даже высмеивание любых убеждений, однако ни украинскую журналистику вообще, ни, тем более, тусню школы «А5» назвать компетентной было бы затруд-

нительно. Поэтому высмеиваться и подвергаться сомнению могли любые ценности кроме независимости Украины и приоритета украинского языка.

– Я специально попросилась поехать на практику в Крым, – запоем рассказывала Маша, не разобравшись, с кем она имеет дело. – У меня просто огромный опыт развязанных и проигранных информационных войн! Я всех убеждала, я писала, что Крым должен быть украинским, но там совершенно непробиваемые люди, они нуждаются в длительном воспитании украинскостью!

– Всевозможные ультраполитические партии традиционно противостоят центральной власти как таковой, – вмешался Тихомиров. – Потому что их главной целью является смена существующего строя, слишком жесткого или слишком мягкого, причем зависит это не столько от самого режима, сколько от левизны или правизны ультраполитиков. В уважающих себя государствах наличествуют и ультраправые, и ультралевые группировки, которые борются с центральной властью и друг с другом одновременно. У нас же, ибо украинская душа – потемки, все ультрапартии смело можно отнести к ультраправым, то есть тяготеющим к жесткому государственному контролю за жизнью общества. Причем всех политических ультра довольно легко позиционировать географически – восток и запад. И не суть важно, как они называются на сегодняшний день. На смену Руху, КУНУ, УНА-УНСО пришло ВО «Свобода». На смену РДУ, «За Русь единую!», ПСПУ пришел «Русский Блок». Перемена названия не меняет сущность ни на йоту, тем более что в ряды злокачественных ультраправых образований подтянулись все те же деятели. Поэтому можно смело именовать ультраправых украинствующих просто «западенцы», а ультраправых пророссийских – «схидняки».

Украинская беда проходит по Днепру – левый берег хочет установить фашизм в своих интересах, а правый – в своих. Мы же, университеты и средства массовой информации, вместо того, чтобы работать в интересах развития всего государства, старательно углубляем трещину между мирами западенцев и схиднякив.

Во время круглого стола один из студентов «А5», юноша по имени Иван, предложил Ермакову серию статей, в которых будет сформулировано видение украинской идеи и дальнейшего развития страны молодежью. И Ермаков не отказался. Вечером Тихомиров спросил его, зачем ему в «Южнорусском вестнике», имеющем сверхзадачей восстановление исторического единства русского и украинского народов, укронационалистические статьи.

– Если нет денег на средства массовой информации, то наши действия – лучшая пропаганда. Как говорил апостол Павел, пусть христианин становится врачом, чтобы язычники, глядя на его милосердие, сами хотели становиться христианами. Я хочу сохранить роскошь быть объективным. Если он достойно напишет, я опубликую, даже зная, что я в принципе не согласен с тем, что он будет излагать.

Тихомиров с Настей вскоре исчезли из-за стола. Когда Андрей пошел к холодильнику за очередной бутылкой вермута, Настин сарафан в подсолнухах висел на спинке стула, дверь в ванную была плотно закрыта, а за дверью слышался шум воды из душа.

Со дня знакомства в «А5» политолог Тихомиров стал постоянным автором ермаковского журнала «Южнорусский вестник». А когда Тихомиров пришел к выводу о неизбежности гражданской войны на Украине, то Ермаков стал одним из инструкторов центра тактико-специальной подготовки «Китеж».

Поздним вечером редактор отдела информационно-аналитических программ Саша Топчиенко прогуливался по дорожке между дачными домиками базы, занятой под проживание участников школы «А5». Рядом с ним шагал студент факультета журналистики Киевского Национального университета имени Шевченко Иван Иванов. Иван очень стеснялся своих предательски неукраинских имени и фамилии. Чувство чуждости украинской нации придавало ему сил в отстаивании ее идей. Сейчас он развивал Топчиенко проект цикла телепередач, в которых молодежь будет высказывать свои взгляды на национальную идею и свое видение

будущего пути развития украинского государства. Двумя часами ранее он продвигал эту идею Андрею Ермакову и был воодушевлен тем, что тот не отказался.

Топчиенко не имел полномочий решать, что попадет в эфир Одесской облтелерадиокомпании, а что нет, но прямо отказать Ивану не решался и был вынужден ближе к полуночи выслушивать его захлебывающиеся аргументы в пользу украинского языка, развиваемые на русском языке.

Проходя мимо домика, в котором обосновались преподаватели «А5», они увидели в освещенном окне профиль Марии. Она стояла, прижавшись спиной к шкафу и, глядя в пол, что-то говорила. К ней неспешно подошел Ермаков, появившийся из глубины комнаты, вторгся в ее личное пространство, приблизил свое лицо к ее и принялся расстегивать блузку у нее на груди. Мария всплеснула руками, да так и осталась стоять, вроде как собираясь, но не находя сил его оттолкнуть. Топчиенко с Ивановым успели увидеть белые Машины груди, выпавшие из лифчика, а потом Ермаков выключил свет.

Утром Марии в школе «А5» не оказалось.

– Что ты с ней такого делал, что она сбежала? – поинтересовалась Настя. На правах девушки Тихомирова она считала возможным задавать самые интимные вопросы.

– Ничего противоестественного, – отмел Ермаков ее подозрения, – все то же самое, что я со всеми делаю.

– А почему тогда она сбежала, не оставив обратного адреса? – спросил Тихомиров.

– Потому что ей теперь мучительно стыдно, – ответила за Ермакова Настя. – Вы же видели, что девушка очень закомплексована. Тем более, сначала она запала на Лешу, а потом дала Андрею. Теперь она очень стесняется, что отдалась первому встречному, к тому же не тому, которому хотела. Нормальный секс, мужчины, важнейшая составляющая психического здоровья. Когда он есть, это кажется естественным и не замечается. Как хорошее здоровье, о нем не думают, пока оно не беспокоит. Но когда секса нет... становятся молодыми политиками.

Настин вывод, неожиданный, но верный, Ермаков много раз вспоминал потом, и когда на Майдане горели спецназовцы, и когда обколотые наркотой «черные человечки» – группы «Правого сектора», одетые в черную форму, обстреливали позиции ополчения Донбасса, стоя в полный рост и не обращая внимания на потери.

* * *

Дома Поручик поставил турку на плиту, выложил на стол оба пистолета и обе гранаты и набрал Доброго.

– Как сам?

– Своим чередом.

Фразы были условлены заранее. Если бы Доброго повязали, он ответил бы: «Все путем».

– Давай, подъезжай.

Такой же разговор состоялся у него с Востоком, после чего Поручик выпил кофе, забрал гранаты с пистолетами, уложил их в разгрузку, которую носил под курткой, и вышел из дома.

Добрый и Восток не раз бывали у него и случись так, что за ними будет «хвост» или что-то вынудит любого из них предать, Поручик хотел наблюдать за этим со стороны. Он прошел до самого начала улицы дачного поселка, перелез через забор, забрался в пустую голубятню и улегся у смотровой щели, которую проделал заранее.

Восток пришел первым, взял ключ в почтовом ящике и вошел. Вскоре появился Добрый, который успел отогнать машину в село, спрятать в гараже и вернуться в Одессу ночным соседским мотороллером, груженным мешками картошки и курами в прицепе.

Выждав еще с полчаса, Поручик, так и не увидев никого лишнего, вернулся к себе. Восток и Добрый сидели на диване. Обнявшись с обоими партизанами, Поручик предложил:

– Кофе?

– Черный, две сахара, рюмку коньяку, – согласился Восток.

– Коллеги, – сказал Поручик, наливая кофе в большие чайные чашки, одну с петухами, другую с надписью «За ВДВ!», – вы знаете мое мнение обо всем этом содоме – унылом мероприятии, называемом терактом. Я пригласил сюда вас двоих, как наиболее деятельных и думающих единомышленников, я бы больше сказал, как друзей. Я не утратил надежды убедить вас, что здесь ничего серьезного совершить не удастся. Мне самому не понятна такая вялая, апатичная, не сказать еще хуже, позиция российской разведки. Я теряюсь в догадках, но пока ничего хорошего предположить не могу. Я предлагаю вам в последний раз – выезжайте в Крым, в Севастополе вас встретят, помогут перекантоваться и отправиться дальше – в Новороссию, на Донецк, кружным путем, через российскую границу.

– А ты сам?

– А я сам скоро подъеду по тому же адресу, но мне нужно чутка задержаться. Я хочу обеспечить себе возможность вернуться, если вдруг это еще не конец нашей деятельности на Украине. А для этого мне необходимо обеспечить себе алиби на все время пребывания в Донецке. Все необходимые контакты, как в Севастополе, так и в Донецке, у вас есть. Я хотел бы встретить вас в Донецке через неделю и уже воевать всерьез, а не размазывать кашу по тарелке, как здесь.

– Наши пошли сегодня ночью бить банкоматы и срывать борды.

– Боюсь, что они обречены на скорое и болезненное уничтожение. По-моему, глупо садиться на несколько лет в тюрьму ради сомнительного удовольствия разворотить банкомат «Приватбанка» или измазать портрет Тягнибока. Вы знаете, что я пытался убедить партизан в бессмысленности мелкохулиганских выходов, но их ненависти нужен выброс. Мы напрочь отрезаны от ресурсов – оружия, техники, взрывчатки, финансирования, документов. На кустарном уровне, как вышло у Востока с гранатометами, мы в два счета провалимся. Сколько угодно можно ругать украинскую милицию за лень, паскудство и недобросовестность, но они не могут раскрыть только то, чего раскрывать не хотят.

Так что, всех люблю, целую, обнимаю крепко, как говорят в американских боевиках, рад был служить с вами, ребята, надеюсь всех еще увидеть. Засим прощаюсь.

Но попрощались они не сразу. Сначала Поручик вместе с Добрым вернулись в село на разгруженном на Привозе мотороллере. Там Поручик пересел в автобус, следующий рейсом Одесса – Киев, чтобы не беспокоить участников плана «Перехват», прочесывающих вокзалы.

Гражданская война началась для Поручика 20 февраля 2014 года. Осознав и приняв этот факт, как свершившийся, Поручик почувствовал себя, как СССР после нападения Германии. Вроде ждали, вроде готовились, но думали, что еще не скоро, еще успеем... В итоге: оружия нет, снаряжение учебное, подготовка односторонняя, людей – кот наплакал.

– Если дело дойдет до уличных боев, то тут я – на коне, – размышлял Поручик. – Но до них еще дожить надо. Готовились воевать в любой точке мира, а не можем даже у себя дома. Знал же, что, не став хорошим пехотинцем, спецназовцем не станешь, но так хотелось поскорее по зданиям побегать, с высотным снаряжением поработать, из пистолета пострелять... Пострелял.

В своей пропаганде бандеровцы создали весьма привлекательный образ протестующего – молодой, красивый, два высших образования, хороший английский и фортепиано, с битой и в камуфляже. Такому нельзя не симпатизировать. Поручик был вынужден признать, что к такому образу он стремился и сам. Нацисты переиграли русофилов организационно. Они заявили о создании новой нации, а русофилы спорили и никак не могли определиться, русские они, малороссы или русскоговорящие украинцы? Укропы создали свой украинский миф, а русские своего не создали, запутавшись в оспаривании мифов о Великой Отечественной войне. Бандеровцы создавали нечто новое, чем и привлекли молодежь, а русские цеплялись за старое, как последние римляне. Укронационалисты призывали добиться лучшего одним броском и

быть «за», а русские – терпеть и быть «против». Западенцы создавали свой украинский мир, а русские боролись против него вместо того, чтобы создавать свой русский мир. Украинцы атаковали, русские оборонялись, украинцы нападали, русские – искали примирения, западенцы навязали русским бой на своих условиях, теперь русские загнаны в угол. Но русские ответили. Не имея армии СМИ, владеющих умами, только делом можно было сорвать с нацистов ту маску свободы, человеческого достоинства и уважения к личности, которую создали себе банды мародеров, грабящих труп своей страны.

А ведь началось все буквально из ничего. Кучка студентов грелась у костра на Майдане, якобы они протестовали. На самом деле, они тусовались, но, чтобы придать смысл своим посиделкам, они убеждали друг друга и самих себя, что таково выражение их активной гражданской позиции. Ментам, дежурившим на площади, они не очень-то и нужны были, мешали разве что разойтись по домам и спокойно лечь спать. И тут кто-то, имеющий власть приказывать милиции, приказывает студентов гнать в три шеи. Менты есть менты, вчерашние гопники, надевшие погоны, не в состоянии общаться с гражданами иными способами, кроме пинков и ругани, что протестующие студенты в полной мере и испытали на себе.

Все это так и осталось бы рядовым инцидентом и очередной затаенной обидой граждан на ментов, если бы уже не дежурили в ожидании, когда начнется оскорбление детей действием, солдаты информационной войны. Инцидент был в нужном ракурсе, с ноткой истерики, освещен, а главное освещен действительно массово, как и положено средствами массовой информации.

На следующий день на Майдан вышло полстраны. Кто не доехал до Киева, вышли на Майданы в своих городах. Или, по крайней мере, уткнулись в телевизоры, переживая. И тут такое началось...

Вот кого на Майдане было не жалко, так это мусоров. Ведь заслужили весь порыв народного гнева, вылившийся на них. И на этом феерия ментовского ничтожества не закончилась. Несмотря на то, что юго-восток Украины поддержал «Беркут», нарек их последней опорой и спасителями страны, повез им на Майдан горячий чай и шерстяные носки, спустя два-три месяца, весь «Беркут», кроме крымчан и донецко-луганских, плюясь и чертыхаясь, исправно взял под козырек и начал служить тем, кто убивал их на Майдане. Новые господа, искушенные в тонкой области подлости, потребовали от бывших беркутят вязки кровью, и снова они послушно поехали на восток, убивать тех, кто поддержал их на Майдане.

«Когда я был маленьким, – думал Поручик, подъезжая к очередному блокпосту, – то, естественно, мечтал быть разведчиком. Я же думал, что будут спортивные машины, девушки-красавицы и костюмы от Версаче. Если бы тогда знать, что все будет так...»

Во времена свободы слова на Украине было около двух процентов реально упоротых укропов, искренне ненавидящих все русское. Это те самые два процента, которые поддерживали Ющенко в финале его провального правления. Теперь, после полугода войны против Русского мира, таких стало процентов тридцать. Во многом в этом оказалась виновата сама Россия, обещавшая, но не заступившаяся за своих – за русских, которых убивали только за то, что они русские и посмели этого не скрывать. Но еще 70 процентов жителей Украины оставались не прорусски настроенными, конечно, нет. Но антиукраински, это точно. В милиции и в армии, в больницах и на железной дороге, да даже в СБУ, оставались сотни потенциальных союзников донецкого восстания. Они не за Новороссию, но они тоже против нынешней украинской власти – власти плохо скрываемого нацизма. Единственное, пожалуй, где союзников было не найти – это в среде журналистов, чиновников и учителей. Им усиленно промывали мозги все 20 лет независимости, а тех, кому недопромыли, просто выжили.

Но вместо того, чтобы перерезать железнодорожные пути доставки техники и пополнений, уничтожать авиацию на земле, взрывать госпитали с карателями, партизаны выстрелили

из гранатомета по пустому военкомату. В этой войне не одни укропы демонстрировали чудеса идиотизма.

Когда все это началось, многих не покидало ощущение нереальности происходящего. Градус абсурда настолько зашкаливал, что казалось, происходящее не сможет длиться долго. Вот-вот все развалится, закончится, кто-то же должен возопить о невероятности случаемого. Но оно продолжало случаться.

Глава 2. Гроза над Синевиром Карпаты. Август, 2012 года

– Друзья мои, чтобы противостоять украинскому шовинизму, а я так понимаю, это главное, что объединяет участников Русского движения Украины, нужно иметь что предложить в ответ – динамично развивающуюся русскую культуру. В нашем движении я пока что увидел постулаты «объединяемся с Россией», «геть Европу!», «бандеровцы – фашисты». Эти же лозунги до нас использовало множество других русских движений, течений, курултаев, но ничего большего, чем демонстрацию недовольства достичь никто из них не смог. Хотим ли мы создать еще одно движение вечно недовольных приподъездных бабушек? Эти лозунги способны привлечь только тех, кому за 50. Потому что молодым людям нужно материальное подтверждение истинности ваших убеждений. Лозунг украинствующих – «движение в ЕС» – он чем хорош? Тем, что всем и каждому известно, что в Европе сытно и безопасно, там права человека. А движение в РФ чем хорошо? Там такая же непроглядь, как и у нас. Нет ответа, зачем нам в Россию.

Так говорил Алексей Тихомиров вечером у жарко пылающего в густой тьме осенней ночи костра.

– Русская культура современности настолько обнищала и настолько скомпрометирована, что говорить нужно, прежде всего, о воспитании качественного человека, а не о пропаганде Русского мира в массах. Качественного человека, для которого целью жизни будет духовное, моральное и физическое совершенствование. А смыслом жизни – Христос. Иначе самосовершенствование быстро вырождается в голое самолюбование. Не нужно вдаваться в пустые споры о том, существует или нет украинская нация. Нужно чтобы украинцы вновь захотели стать русскими. Мы могли бы обострять противостояние с украинствующими, если бы имели что им противопоставить. Пока что мы наблюдаем иное. Все, что русские противопоставляют украинцам, это советское, кроме веры и войны.

Вереница национальных конфликтов на Кавказе дала не только украинских наемников УНА-УНСО, она дала настоящих национальных русских героев, настоящесть подвига которых не нуждается в доказательствах. Сферами развития русского влияния на Украине должны быть религия, образование и военное дело. Это ведь и есть основные составляющие понятия «русская культура», или, наверное, более точным было бы назвать их не основными, а необходимыми. Ведь в условиях полнейшего краха культуры как таковой, эти три столпа уцелели, устояли, а в случае с верой и войной – укрепились качественно настолько, как и мечтать было нельзя. Вера и война – это те понятия, которые горнило несчастий только укрепляют.

Карпаты – серьезные, взрослые горы, где водятся настоящие хищники – волки и медведи, по ночам там холодно, так что неэкипированный человек вполне может замерзнуть, а до ближайшего человеческого жилья может быть настолько далеко, что не дойти за дневной переход. Ивана, несмотря на его явные националистические закидоны, взяли с собой в первый горный рейд «Китежа». Его не пытались перековать, согласно ермаковскому постулату «лучшая пропаганда – наша работа», просто Тихомиров сам не понимал, чего он хочет добиться, поэтому подтягивал к движению всех, интересующихся военно-спортивной деятельностью. Так в карпатском рейде «Китежа» оказались представитель православного и русофильского запорожского казачества Никита, представитель украинствующей интеллигенции Иван, убежденные русские патриоты Тихомиров и Ермаков, изнывающие от нереализованности и просто интересующиеся всем в силу своего возраста Настя и Настя, которые соответственно были любовниками Тихомирова и Ермакова, а также случайно приблудившиеся подростки Егор, Артем и еще один Никита. На Ивана Карпаты произвели неизгладимое впечатление, сравнимое разве

что с первым отъездом из дома. Ему сразу стало понятно, почему бандеровская партизанщина укрывалась именно в Карпатах. Горы – приют свободных.

– Война безусловно будет, – ранним утром Тихомиров с Ермаковым сидели на берегу одного из бесчисленных карпатских ручьев. «Китеж» заблудился в низкой густой поросли елок, настолько частой, что сквозь них было не продаться. Время было позднее, так что ночевать решили прямо здесь. Солнце, осветившее склон горы, сплошняком заросший елочным молодняком, встало в четыре утра, перебудив всех. Теперь китежане завтракали, вяло потягиваясь и зябко поеживаясь. А Тихомиров рассуждал, потому что Ермаков хотя и открыл глаза, но еще не проснулся. Павла, видимо, беспокоила эта тема и требовалось высказаться, потому что сомнамбулическое состояние Ермакова не мешало ему вещать.

– Насколько я могу судить, война будет в Крыму – это наиболее вероятный район. Могут доверить проливание первой крови крымским татарам, которые сейчас основной оплот украинства в Крыму. Среди татар сильно влияние как чеченской диаспоры – бежавших после войны боевиков, так и турецкое – окормляющее создание единого мирового исламского халифата. Могут поступить по сценарию бархатных революций. Кто-нибудь из свидомых патриотов переодеется в шапку-ушанку и косоворотку и убьет балалайкой беременную татарку. На месте преступления «потеряет» деревянную ложку, расписанную под хохлому. Не в этом суть, способ развязать войну найдется. Не так уж давно безумная старуха украинского политикума Фарион требовала распределять студентов с Западной Украины в Крым, чтобы окультурировать русифицированное население. А вот поди ж ты, уже года три как в Крым активно едут, не по распределению, а по собственной воле, такие как Мария, украинские активисты. Никого они там «окультурировать», конечно, не могут. Просто закатывают пару-тройку скандалов на националистической почве, заводят контакты в среде крымско-татарских националистов и уезжают, увозя свои оскорбленные чувства из-за крымско-русской нелюбви к неньке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.